

протестантов, но зальцбургский архиепископ в ответ на это усилил гонения; император, напуганный перспективой новой крестьянской войны, направил в Зальцбург войска.

В опубликованном в ноябре 1731 г. Патенте о переселении зальцбургским протестантам под угрозой телесных наказаний и смерти предлагалось покинуть страну в ограниченный срок; в ответ на это в дополнение к Эдикту о переселенцах 1721 г. Фридрих Вильгельм I также издал Патент о переселенцах от 2 февраля 1732 г., которым приглашал изгнанных из Зальцбурга протестантов в Пруссию.

До весны 1733 г. в Пруссию въехало около 30 000 иммигрантов из Зальцбурга, и большая часть из них поселилась в Восточной Пруссии. Провинция, которая до этого отчаянно нуждалась в рабочих руках, стараниями переселенцев превратилась в цветущий край, население которого росло день за днем.

Таким образом, Фридрих Вильгельм I обратил религиозные разногласия между конфессиями в выгоду для своей страны; в соответствии с духом времени и согласно примеру деда, он использовал принципы камерализма для того, чтобы упрочить благосостояние Пруссии.

Литература

Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. 384 с.

Kaiser — König — Kardinal: deutsche Fürsten 1500–1800 / [hrsg. von Rolf Straubel und Ulman Weiß. kt.: Annelies Dallmer]. Leipzig; Jena; Berlin, 1991. 408 S.

История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М., 2008. Т. 1. 544 с.

М. С. Кырчиков

*ассистент кафедры гуманитарного образования, УрФУ
maksim_kyrchikov@mail.ru*

Фактор устойчивости ранней вестфальской системы в международной политике первой четверти XVIII в. (на примере Войны четверного альянса 1718–1720 гг.)

Статья посвящена малоизученной проблеме анализа Войны четверного альянса (1718–1720 гг.) в контексте становления и развития европейской (Вестфальской) системы международных отношений. Раскрываются мотивации противостоящих держав, на конкретном историческом материале исследуются принципы международной политики первой четверти XVIII в. Сделан вывод о том, что очередное недопущение со-

юзниками образования единой франко-испанской державы, способной нарушить принцип общеевропейского политического равновесия, вновь стало признанием «работающей» Вестфальской системы международных отношений.

Ключевые слова: Вестфальская система, Война четверного альянса, Война за испанское наследство, Испания, Филипп V, Альберони, баланс сил.

Войну четверного альянса (Войну за французское наследство) зачастую относят к сюжету продолжения Войны за испанское наследство, завершившейся договорами в Утрехте (1713 г.) и Раштатте (1714 г.) [Treaty of Utrecht, 1975, p. 35–38; Treaty of Ryswick, 1967, p. 201–208]. Вместе с тем, данный кратковременный европейский конфликт существенно повлиял на дальнейшую расстановку сил на континенте и несомненно «проверил на прочность» ключевые принципы функционирующей с середины XVII в. Вестфальской системы международных отношений [Вестфальский мирный договор, 2003, с. 42–45].

Было ли формирование альянса держав (Франции, Великобритании, Голландии и Австрии) против Испании в 1717 г. реакцией на обязательство выполнять подписанные договоры и необходимостью поддержания установившегося баланса сил и коллективной безопасности? На наш взгляд, безусловно, в связи с несколькими факторами:

1). стремления испанского короля Филиппа V и его первого министра Дж. Альберони вернуть Испании пошатнувшееся европейское положение вместе с новыми попытками получить французский престол вытекали из геополитических потребностей и интересов Мадрида, привыкшего к активной колониальной экспансии и заинтересованного как можно дольше удерживать влияние на рынке континента;

2). подстрекательство антиганноверских сил в Великобритании воспринималось в Лондоне как вмешательство во внутренние дела государства, аналогично желание Испании получить обширное «французское наследство» также прочитывалось как несоблюдение договоров 1713 г. и 1714 г. При этом нарушение установленного «баланса сил» восстановило против Мадрида большинство держав. То было прямое подтверждение тому, что условия, принятые на переговорах в Утрехте, будут своевременно защищены.

Соглашаясь с условиями Гаагского договора 1720 г., Филипп V заявил, что «жертвует своими интересами ради спокойствия Европы» [Historia de España, 1987, p. 593]. Названная Ю. Е. Ивониным

«полицейской акцией», война показала ряд международных и дипломатических тенденций [Киселев, 2007, с. 224]. Недопущение образования единой франко–испанской державы, способной нарушить принцип общеевропейского политического равновесия, вновь стало признанием «работающей» Вестфальской системы. Несмотря на тот факт, что сам альянс, направленный против возможного восстановления испанского могущества на континенте, оказался временной коалицией, призванной сплотить державы лишь для реализации кратковременной цели, он вполне соответствовал принципам международной политики эпохи Раннего Нового времени.

Литература

Вестфальский мирный договор, 1648 г. // История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия. Вып. 1. СПб., 2003. С. 42–45.

Киселев А. А. Формирование англо–французского союза в 1716–1720 гг. / Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. // Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, декабрь 2006. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 218–224.

Historia de España (por Ramon Menendez Pidal). T. 29. V. I. Madrid, 1987. 710 p.

Treaty of Ryswick, 1714 // Major Peace Treaties of Modern History, 1648–1967. N.-Y., 1967. P. 201–208.

Treaty of Utrecht, 1713 // History of England from the Peace of Utrecht to the Peace of Versailles, 1713–1783. N.-Y., 1975. P. 35–38.

З. С. Шунина

студент 3 курса, УрФУ
Shuni.zoe@gmail.com

Мэри Уолстонкрафт: к ранней истории феминизма

В статье представлен анализ изменений идей феминизма писательницы Мэри Уолстонкрафт (1759–1797), связанных с событиями ее жизни на фоне общественных отношений и моральных устоев Великобритании конца XVIII в.

Ключевые слова: британский феминизм, гендерные исследования, Мэри Уолстонкрафт, права женщин.

Обращение к личности и трудам Мэри Уолстонкрафт, одного из первых теоретиков британского феминизма, дает нам возможность пролить свет на истоки раннего феминизма. Важно и увеличение интереса к гендерным исследованиям.